

Выдающемуся нижегородскому поэту
Юрию Андреевичу Адрианову (18.06.1939–12.08.2005)
в июне исполнилось бы 80 лет

У КАЖДОГО ВРЕМЕНИ СВОИ ПОЭТЫ (Исповедь читательского сердца)

В детстве я старательно переписывал в заветную тетрадочку любимые адриановские стихи, где уже были записаны стихи Есенина и Маяковского. В моей литературной читательской иерархии в поэтические лидеры вырвалась звонкоголосая лира Юрия Адрианова, вполне соответствующая моим юношеским представлениям о настоящей поэзии.

У тебя не прошу я твоей красоты,
Ни любви, ни прощания грустного,
Проводи меня только до первой воды
По обычаю давнему русскому.

Может, озеро будет,
колодец, река,
Пусть исполнится правило прежнее...
Вот ручей, как последняя в письмах строка
С утешительной лживой надеждою.

В чем-то я был неправ,
Что-то спутала ты,
Словно долгую зимнюю пряжу...
Проводи же до первой в дороге воды,
Дальше к тракту проселок проляжет.

Там я смою остатки улыбки твоей,
Помолчу на прощанье немного.
Вот и этот, за мостиком,
первый ручей –
Сам спешит, пробивая дорогу...

Это мудро: в истоке грядущей судьбы,
Что едва сквозь года узнается,
Провожали в России до первой воды
До реки, до ручья, до колодца...

В школьном коридоре я вывесил ватманский лист (выпуск стенгазет – яркая примета времени) с претенциозным названием – «Литературная газета». Как и полагается, с неизменными профилями Пушкина и Горького. По замыслу «издателя», газета прорубала окно в большую литературу для автозаводских школьни-

ков и вся состояла из возлюбленных стихов поэта Юрия Адрианова, вдохновенно переписанных из тетрадошки.

Чтобы подготовиться к районному конкурсу школьных сочинений о Родине, учитель порекомендовал обратиться к книге молодого мэтра «Нижегородская отчина» (1971). И вот тут я совершенно онемел – после прочтения не мог вымолвить собственного слова. Юное читательское сердце, словно на классическом спектакле в академическом театре, смогло только едва прошептать: «Браво!» Ну разве возможно подобрать слова признания в любви к Родине лучше тех, что написал Адрианов!..

Потом были встречи: творческие вечера, литературные собрания, разговоры в кулуарах... Но первая встреча с поэтом врезалась в память. Таким я его увидел и запомнил: волна пышных волос, спадающая подобьем водопада на светлый лоб, озаренный взор серых глаз с пронзительно небесным отливом, лукавые лучики морщинок, таящие темную глубинную заводь тишей грусти, подчеркнуто внушительная ямочка на волевом подбородке... Тогда подумалось: так и должен выглядеть настоящий поэт.

Спустя годы библиотеку, где я упоенно читал и конспектировал книги, назовут именем любимого поэта – Юрия Адрианова. Поговаривают, что поэт не очень любил Автозавод, но рабочий район любил и деятельно любит поэта и не только библиотеку нарек его именем, но и открыл в ней музей, посвященный поэту, где собраны все сборники стихов, рукописи, этюдник, живописные пейзажи и редчайшие фото (Адрианов с к первым космонавтом Гагариным, Адрианов с писателем Валентином Распутиным, Адрианов со студентами). Директор библиотеки имени Юрия Адрианова И.И. Неугодова, всегда приветливо встречающая гостей, проводит огромную работу по сохранению памяти и популяризации творчества поэта.

Адриановская поэзия для интеллигенции Нижегородчины если затмевала столичных авторов, то во всяком случае ни в чем им не уступала, а тематически близкими нижегородскими сюжетами была просто незаменимой. Не отсюда ли появилось знаменитое крылатое адриановское выражение – «Провинциальные Гомеры»?

По-иному масштабность и значимость творчества патриарха нижегородской поэзии лаконично сформулировала Татьяна Павловна Виноградова, профессор ЮНЕСКО, внучатая племянница великого Добролюбова: «У нас есть свой поэт».

И здесь вспоминаются известные крылатые строки: «У каждого времени свои поэты, но есть поэты на все времена!»

Михаил САДОВСКИЙ

Николай РАЧКОВ

г. Тосно, Ленинградская область

Юрий Адрианов

Погладив рукой бородку,
Глядя в свое окно,
Он признавал лишь водку
И не любил вино.

Непрочность славы изведав,
Одних лишь врачей боясь,

Нижегородских поэтов
Был он удельный князь.

При свете зари вечерней
Он благостен был и мил.
Но слушая скучно челядь,
Редко кого хвалил.

Одной поэзии данник,
Одну Россию любя,
От всей суеты
как странник
Он уходил в себя...

С грустинкой нежной во взоре,
Напомнив нам о былом,
Стихи в славянском уборе
Цвели за его столом.

Он черпал ковшом из братины
И читил лишь высокий слог.
Себя до конца растратил он,
Но душу свою сберег.

Под листопадом грустным,
Лишь Музою осенен,
Он слишком был старорусским
Для барахольных времен.

Не торговался с веком,
Чтоб совести не избыть.
Он был таким человеком,
Которого не забыть.

О, Слово!
Тебе служил он,
Земной исполняя долг.
...Крепких стихов дружина
Стоит,
как засадный полк!

Юрий ПАРКАЕВ
Москва

Другу

Юрию Адрианову

Чаю крепкого гостю заваришь,
Иль раскупоришь флягу вина...
Но сегодня мы даже за Вареж
Не поднимем бокал, старина.

И не в том, понимаешь ли, дело,
Что в сознании возник перелом
И душа невзначай расхотела
Воспарить над широким столом,

Что хмельные туманы осия
(Словно пьющих нет среди нас),
Предпочла всем напиткам Россия
Минеральные воды и квас.

Но порою в минуты разлуки
Слаще зелья – живая вода,
Хоть и знаю: от грусти и скуки
Выручало вино иногда.

Сколько было разлито, разбито,
Сколько слез натекло в рукава...
И судьба, что гусарски пропита,
Не поймешь – коим духом жива!

И не так уж, видать, беспричинно
За столом запевают друзья:
Догорай напоследок лучина,
Догорю, мол, с тобою и я...

Так поют, что, сказать откровенно,
В сердце радости нет никакой.
Вот – один загремел под Шопена,
Вот – качнулся вдогонку другой...

Соберемся на траурный ужин,
И невольно подумаешь сам:
Знать, Всевышнему ты еще нужен,
Чем-то нужен, но здесь, а не там.

Грустно, братцы! Но пить неохота.
Да простит меня бравый народ!
...Говорят, что спасает работа...
Может статься, и вправду спасет?!

Олег РЯБОВ

Нижний Новгород

И о детстве...

Юрию Адрианову

Луна мешала. Я не спал.
Сквозь щель двухстворчатой огромной
Я слышал чоканье негромко,
Смех женский, редкие слова.

У папы были гости в доме,
Нарядные, при орденах.
И даже женщина одна
Была, по-моему, в погонах.
Я помню всё, хотя был мал.
Сквозь щель – щадящий запах дыма
Табачного, духов и винный,
Он волновал, и я не спал.
И слышал также звуки танго
И шарканье продлённых па.
Я должен спать был, но не спал –
Луна мешала. Было странно
Мне слышать горькое: «За них...»

...Я просыпался утром первым
И видел, открывая двери,
Что мама с папою одни
И спят, обнявшись, на диване.
Пластинки сложены в углу,
Валялась спичка на полу...
Но до сих пор тревожит память
Мне мысль, что с ними кто-то не был:
Не тронут, посреди стола
Стоял единственный стакан,
Покрытый сверху чёрным хлебом.

Юрий УВАРОВ

Москва

Заморозки

Юрию Адрианову

Это ли возраст, которого ждали,
Это ли время, которое вот
За поворотом, на землю спадая,
Желтой листвою дорогу скребет.

Что тебе толку задеть за живое?..
Над лесосекой синеет дымок,
Тяги дыхание пороховое
Сизые перья роняет у ног.

Все разошлись.
Травяной погремушкой
Брякнул шиповник.
В кустах у реки
Кто-то крадется и держит на мушке
Целое небо
И взводит курки.

Ярослав КАУРОВ

Нижний Новгород

Юрию Адрианову

Мы шли тускнеющим откосом
Над холодеющей рекой.
Мерцали ледяные росы.
Царил чарующий покой.

И церковь белая под нами,
Как будто господу хвала.
Одушевлен узорный камень
И золотые купола.

Бог иль судьба, рок иль природа
Нам это, право, все равно.
Дождаться нового восхода
Когда-то будет не дано.

Ударил колокол, и листья
Посыпались на нас шурша.
По мановенью чьей-то кисти
Себя увидела душа.

Владимир ЖИЛЬЦОВ

Нижний Новгород

* * *

Юрию Адрианову

Склоны Дятловых гор потемнели,
Ходят важно, картавя, грачи,
И звенят, как и прежде звенели,
Из глубин живородных ключи.

В тесных недрах земли набухая,
В корнях трав и деревьев скользя,
Источается влага земная,
Только пить эти слезы нельзя.

И в смятенье идешь по Откосу,
Синь заволжская в очи рябит,
Словно смотрится в сердце с вопросом
Окоротом кержацким Сибирь.

Сколько лет можно тешить печали,
Чтоб увидеть в потемках души

Эти настезь раскрытые дали,
Эту грозно-смирненную ширь?

Не она ли нас, грешных, сплотила
Вечной памятью болей и бед?
Без хозяина – дом-сиротина,
А без дома – хозяина нет.

И сиротством пронзительно дышат
Клики чаек над зяблой водой,
Стало небо над Волгою выше
И присели мосты над Окой.

Склоны Дятловых гор потемнели,
Ходят важно, каргавя, грачи...
И звенят поминально капли,
И отмычками стали ключи.

Елена КРЮКОВА

Нижний Новгород

Юрию Адрианову

Туманы болот, золотые вспышки берез...
И выпь кричит, и, дрожа, взлетает бекас...
Ты вышел, ты выплыл на тот небесный плес,
В Град Небесный Иерусалим, что еще не про нас.
Сегодня ты можешь свободно, смеясь, стрелять.
Сегодня ты можешь петь свободно, смеясь.
Сегодня лишь тебе одному исполать,
А благодать – да она уже не про нас.
Со старым ружьем, что тянет плечо ремнем,
С умнейшей собакой, что чует дичь за версту,
Теперь ты – по облакам – и ночью и днем,
Теперь ты – бесплотный ангел – вперед, в пустоту.
О нет! Не пусты, поэт, твои небеса.
В них живы и звери и люди! И жив в них Бог!
И полны отчаянным светом твои глаза:
Никто из людей про земной не ведает срок.
А в глотке стихи клокочут, царапаются на свет,
Пылают, рвутся, подранком трепещут в суме,
Рождаются, чтобы жить тысячи тысяч лет,
А сами летят на свет – и умирают во тьме.
Но ты же не умер!
...Я просто утешу себя
Еще одной сказкой, еще одной верой в жизнь.
Поэт – это просто большая боль и судьба.
Такая судьба. Ты там, в небесах, держись.
Ты там ходи на охоту. Кури: пусть дым!..
Ты с Богом там выпей: он водки тебе принес...
Ты спой нам про Град Небесный Иерусалим,
В котором живешь, ничего не видя от слез.

Валерий ШАМШУРИН

Нижний Новгород

* * *

Юрию Адрианову

Давай-ка сядем около
Уснувших пристаней,
Чтоб рядом Волга окала
Все мягче, все нежней.

Чтоб были тучи медные
В закатном далеке
Торжественны и медленны,
Как лошади в реке.

Чтобы тумана белого
Расправилось крыло.
Чтоб чувствовалось берега
Подовое тепло.

Чтоб остро пахло смолами,
Дымился костерок.
Чтоб то, что любишь смолоду,
Ты вновь увидеть смог.

Чтоб старыми печальями
Все боли отвести...
Мы к Нижнему причалили –
Куда ж еще грести?